

другого (отца Вани в романе «Лето Господне») — это самая большая скорбь, но она просветляется надеждой, умиротворением благодаря вере во всеобщее воскресение.

Таким образом, в ситуации приближения конца жизни, наступления смерти человеку остаются, в общем, две возможные линии — либо смиренно готовиться к смерти, проживая каждый день как последний, либо пытаться изменить положение дел, противостоять, бороться, ужасаться, отрицать. Не все способны к смиренному принятию смерти, не все могут помнить о ней и готовиться к ней в течение жизни. Человеческому естеству присущ страх смерти, но однако именно он может служить отправной точкой для осмысления своего жизненного пути, для понимания себя и в конечности — для преобразования. «Позитивный» аспект смерти заключается в том, что в силу своей конечности человек обнаруживает в себе трансцендентную способность соотноситься с высшим началом Бытия [Лисицына URL].

Литература

1. Кулагина Г.Н. Тема смерти в русской культуре начала XX. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/>
2. Лисицына Т.А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropologia.spbu.ru>. Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. СПб., 1995.
3. Мордовцева Т.В. Лики Танатоса в русском художественном слове [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sofik-rgi.narod.ru/avtor/dpf_2004/mordovceva.htm.

А. Г. Казанцев, г. Курган

ЦИКЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА САМОРЕФЛЕКСИИ В ПОЭЗИИ Б.Б. РЫЖЕГО

Всего Борис Борисович Рыжий написал около 1300 стихотворений, но сам он никогда не объединял созданные им произведения в циклы.

Исследователь творчества Б.Б. Рыжего Ю.В. Казарин в монографии «Поэт Борис Рыжий» справедливо отмечает целесообразность выделения ряда «смысло-тематических циклов» в творчестве поэта: «Выделяется несколько очевидных смысло-тематических циклов: стихи Эле, о смерти, одиночество, манекены, на смерть поэта; перербургские стихи; свердловские стихи; стихи, посвящённые родным; стихи Ирине; стихи сыну; стихи друзьям (А. Леонтьев, О. Дозморев); «офицерские» стихи — игровой цикл; стихи о поэтах (преимущественно XIX в.); «музыкальный» цикл; стихи о современниках (поэтах и др.); стихи о городах (Пермь и др.); стихи городские; стихи о невыразимом и др.» [Казарин 2009: 195].

Мы взяли на себя некоторую смелость выделить также ряд циклов в его творчестве. По мнению Ю. В. Доманского, к циклообразующим связям относятся заглавие, композиция, пространственно-временной континуум, изотопия [Доманский 2000: 99-122]. Опираясь на эту точку зрения и на точку зрения Ю. В. Казарина, попытаемся выделить некоторые циклы стихотворений в творчестве Б. Б. Рыжего.

«Уральский цикл», на наш взгляд, — самый большой цикл стихов Б.Б. Рыжего. Объединяет их все изотопия — действие в этих стихотворениях происходит в Екатеринбурге (в большинстве стихов данного цикла), городе, где жил сам Б. Б. Рыжий, или в каком-либо другом месте, но на Урале. Общей чертой всех стихотворений, которые мы включаем в этот цикл, является изображение всех негативных реалий жизни, всех её уродливых сторон, сознательная установка на полное отсутствие приукрашивания жизни.

В стихотворении «Зависло солнце над заводами...» (1997) [Рыжий 2006: 93-94] прямо даётся перечисление всего самого ужасного, что окружало лирического героя, жившего в полукриминальном районе провинциального Екатеринбурга:

Спецухи, тюрьмы, общежития,
хрущёвки красные, бараки,
сплошные случаи, события,
убийства, хулиганства, драки.

В этих строках нет ничего романтического, возвышенного, поэтичного — в них перечисляются только негативные реалии екатеринбургской действительности, которые воспринимаются лирическим героем не столько как негативные, сколько как уже ставшие для него привычными. Рутинная повседневность, в которой много мерзкого, воспринимается жителями пролетарской окраины Екатеринбурга (типичным представителем которых является и лирический герой) как нечто само собой разумеющееся, без чего они уже и не представляют своей жизни. Символом такой рутинной повседневности в стихотворении «Ещё не погаснет жемчужин...» (1997) [Рыжий 2006: 95-96] становится «плохой репродуктор фабричный», играющий «мотив неприличный»:

Плохой репродуктор фабричный,
висящий на красной трубе,
играет мотив неприличный,
как будто бы сам по себе.
Но знает вся улица наша,
а может, весь микрорайон:
включает его дядя Паша,
контужен фугаскою он.
А я, собирая свой ранец,
жуя на ходу бутерброд,
пускаюсь в немыслимый танец
известную музыку под.

Но больше всего тревожит не то, что лирический герой «пускается в немыслимый танец» под эту «музыку», а то, что другой «музыки» он — как житель екатеринбургской рабочей окраины — и не знает. Эта «музыка» как символ повседневности настолько прочно вошла в его жизнь, что он именно такую «музыку» считает нормальной.

Но, несмотря на то что в этом стихотворении Урал (и жизнь в провинции вообще) изображается со всех его уродливых сторон (по крайней мере, таким его воспринимает лирический герой), что является типичным для стихотворений выделяемого нами «Уральского цикла», лирический герой не теряет надежды на светлое будущее:

Крути свою дрянь, дядя Паша,
но лопни моя голова,
на страшную музыку вашу
прекрасные лягут слова, —

что является новым для этого цикла.

Стихотворение «Так гранит покрывается наледью...» (1997) [Рыжий 2006: 117-119], на наш взгляд, является самым важным в смысловом отношении стихотворением «Уральского цикла», потому что в нём, как ни в одном другом стихотворении, раскрывается отношение лирического героя к жизни в рабочем районе Екатеринбурга:

Я родился — доселе не верится —
в лабиринте фабричных дворов
в той стране голубиной, что делится
тыщу лет на ментов и воров.

Потому уменьшительных суффиксов
не люблю, и когда постучат
и попросят с улыбкою уксуса,
я исполню желанье ребят.
Отвращенье домашние кофточки,
полки книжные, фото отца
вызывают у тех, кто, на короточки
сев, умеет сидеть до конца.

Это по сути жизненная позиция лирического героя, его нравственные установки. Желание вписаться в окружение заставляет его быть похожим на это окружение. А люди, среди которых находится лирический герой, вряд ли могут быть охарактеризованы как интеллигентная публика, и это тоже является специфической особенностью «Уральского цикла» Б.Б. Рыжего.

Общей чертой стихотворений «Уральского цикла» является критическое восприятие лирическим героем окружающей его действительности, неприятие этой действительности, попытки найти себя и своё место в этом мире и осознание лирическим героем того, что он не может вписаться в этот мир, а это приводит его к маргинальности.

Таким образом, знание отношения лирического героя к родному Екатеринбург (к его рабочей окраине) очень важно при изучении его саморефлексии, поскольку лирический герой сам осознаёт себя неотъемлемой частью этого города. И знание особенностей восприятия героем рабочей окраины родного Екатеринбурга позволяет понять его мироощущение в целом, а также его понимание собственного места в мире.

«Стихи Ирине Князевой» — другой цикл стихотворений Б.Б. Рыжего. Эти стихи посвящены жене поэта. Со своей будущей женой Б.Б. Рыжий учился в одном классе и уже тогда был в неё влюблён. Самое личное из всех стихотворений этого цикла — «Нежная сказка для Ирины» [Рыжий 2005]. В этом стихотворении, как ни в каком другом, проявляется сила любви лирического героя к своей возлюбленной. Избранница лирического героя становится для него центром мира — настолько сильна его любовь к ней:

...мы с тобою пойдём туда,
где над лесом горит звезда.
...мы построим уютный дом,
будет сказочно в доме том.
Да оставим открытой дверь,
чтоб заглядывал всякий зверь
есть наш хлеб. И, лакая квас,
говорил: «Хорошо у вас».

Данное стихотворение необычно тем, что это одно из немногих стихов Б.Б. Рыжего, в которых нет изображения всей неустроенности жизни на рабочей окраине Екатеринбурга. С точки зрения языковой формы, лирический герой употребляет глаголы либо будущего времени («пойдём», «построим», «будет», «оставим»), либо условного наклонения («чтоб заглядывал есть», «чтоб говорил»). Значит, он строит планы на будущее, хотя оно во многом является иллюзорным.

А поскольку данное стихотворение очень отличается от большинства других стихов Б.Б. Рыжего отсутствием «житейского мусора» [Рыжий, Миллер 2003], который не позволяет видеть истинную сущность лирического героя, закрывает её, подобно маске, и иногда способствует формированию ложного представления о нём как о человеке, в данном стихотворении лирический герой более, чем в других стихах, соответствует своей внутренней сущности. В глубине души лирический герой — человек нежный, чувствительный и романтичный, а тот образ «крутого» парня, который он примеряет на себя во многих других стихотворениях, является маской, позволяющей ему защитить себя от агрессивно настроенного внешнего мира.

Предстать в своём истинном облике лирическому герою позволяет чувство любви к своей избраннице, с которой он старается быть максимально искренним и которой он стремится показать себя таким, какой он есть на самом деле.

Обратимся к «пространственно-временному континууму» как к «циклообразующей связи» [Доманский 2000: 99-122] в данном стихотворении. Пространство здесь предстаёт довольно ограниченным: «...мы с тобою пойдём туда, / где над лесом горит звезда». Зато временные рамки очень широки: всё действие, по представлению героя, будет происходить в будущем. Но это будущее размыто, и конкретных промежутков времени лирический герой не указывает.

А в стихотворении «Новогодняя ночь» (январь, 1994) [Рыжий 2005] внимание героя сосредоточено на настоящем. Он не задумывается о будущем и не погружается в прошлое, его интересует только то, что происходит сейчас:

Новый год. На небе звёзды,
как хрусталь. Чисты, морозны.
Снег душист, как мандарин
золотой. А тот — с луною
схож. Пойдёшь гулять со мною?
Если нет, то я один.
Разве могут нас морозы
напугать? Глотают слёзы
вдоль дороги фонари,
словно дети, с жизнью в ссоре.
Ах, не видишь? Что за горе —
ты прищурившись смотри.

Формально это выражается частым употреблением в речи лирического героя глаголов в настоящем времени или в повелительном наклонении, с помощью которых он обращается к своей возлюбленной: «не видишь», «смотри». Сосредоточенность внимания героя на настоящем обеспечивается также за счёт постоянного поддержания диалога героя с возлюбленной:

Только ночью Новогодней,
друг мой, дышится свободней,
ты согласна?

<...>

...Пойдём, подружка.
Улыбнись, мой милый друг.

Несмотря на то, что временной план в этом стихотворении не такой, как в предыдущем (лирический герой не столько смотрит в будущее, сколько его интересует настоящее), центром мира для него всё равно является его возлюбленная, потому что стихотворение посвящено именно ей.

Стихотворение «Помнишь дождь на улице Титова...» (2000) [Рыжий 2006: 319-320] посвящено Ирине Князевой, потому что в третьей строфе есть обращение к ней:

Помнишь дождь на улице Титова,
что прошёл немного погоды
после слёз и сказанного слова?
Ты не помнишь этого дождя!
Помнишь под озябшими кустами
мы с тобою простояли час,
и трамваи сонными глазами
нехотя оглядывали нас?
Озирались сонные трамваи,
и вода по мордам их текла.

Что ещё, Иринушка, не знаю,
но, наверно, музыка была.

В этом стихотворении вновь возникает мотив музыки, столь свойственный поэзии Б.Б. Рыжего, причём музыка в тексте становится олицетворением любви. «Пространственно-временной континуум» как циклообразующая связь объединяет это стихотворение с другими из этого цикла — с точки зрения пространственной организации: лирический герой воспринимает себя вместе со своей возлюбленной центром мира, и всё остальное пространство вертится вокруг этого центра. Главными являются лирический герой и «Иринушка», а остальное второстепенно: «озябшие кусты», «сонные трамваи», которые «озирались», всё это лишь фон.

Стихотворение «Ни разу не заглянула ни...» (1998) [Рыжий 2006: 202-203] тоже целесообразно отнести к циклу «Стихи Ирине Князевой», поскольку, во-первых, лирический герой обращается к ней, кратко излагая историю их любви:

А я из всех удач и бед
за то тебя любил,
что полюбил в пятнадцать лет,
и невзначай отбил
у Гриши Штопорова, у
комсорга школы, блин.
Я, представляющий шпану
спортсмен полудебил...

Во-вторых, с точки зрения «пространственно-временного континуума», лирический герой осознаёт себя вместе со своей возлюбленной центром, вокруг которого организован и вертится весь мир. Гриша Штопоров, «шпана» — второстепенные персонажи, без которых, конечно, действие было бы неполным, но они создают романтический колорит в стихотворении.

Таким образом, «Стихи Ирине Князевой» — это цикл очень личных стихотворений Б.Б. Рыжего, которые адресованы конкретной женщине. Циклообразующим фактором, как правило, служит «пространственно-временной континуум», кроме того, критерием объединения всех этих стихотворений в цикл является один адресат.

В творчестве Бориса Рыжего есть ряд стихотворений, представляющих собой игру с Олегом Дозморовым и Александром Леонтьевым (друзьями поэта) в офицеров XIX века. Ю.В. Казарин назвал этот «смысло-тематический цикл» ««офицерские» стихи — игровой цикл» [Казарин 2009: 195]. Мы учитываем данную точку зрения, однако нам представляется, что название «Игровой цикл в дворян XIX века» более нейтрально в семантическом отношении, потому что, играя с Олегом Дозморовым или Александром Леонтьевым в поэтическую игру, лирический герой Бориса Рыжего не всегда называет себя именно офицером, военным — иногда он шутливо идентифицирует себя просто как дворянин, но при этом он осознаёт себя поэтом и боксёром (реальные факты из биографии самого Б.Б. Рыжего). Таково, например, игровое стихотворение «К Олегу Дозморову» (1997) [Рыжий 2012: 264-265]:

Владелец лучшего из баров,
боксёр, филолог и поэт,
здоровый, как рязанский боров,
но утончённый на предмет
стиха, прими сей панегирик —
элегик, батенька, идиллик.

Интересно, что в данном стихотворении Б.Б. Рыжий делает восемь примечаний, которые, кстати, сами по себе представляют ценность с точки зрения изучения саморефлексии лирического героя, потому что примечания эти (отмеченные цифрами около некоторых слов

в стихотворении и оформленные как сноски внизу страниц в сборнике стихов) шуточные, а потому сами являются проявлением игры лирического героя с его другом Олегом Дозморовым в дворян XIX века.

В приведённом выше отрывке стихотворения цифра «1» стоит после слова «баров» (в первой строке), а цифра «2» — после слова «боксёр» (во второй строке). Приведём тексты этих двух примечаний, сделанных Б.Б. Рыжим:

1. О. Дозморов действительно владел пивным баром, название которого точно установить не удалось. Впрочем, правнук поэта в своём последнем интервью, данном журналу «Poets and Poets», сказал, что бар никак не назывался вообще или назывался «У Фёдора».

2. О. Дозморов боксом не занимался, что можно увидеть, заглянув в «Воспоминания» поэта. «... Двадцать семь лет, треть моей жизни, прошли в борцовском зале. О, эти продолговатые штанги, круглые гантели и перекладина...» Боксом же занимался Б. Рыжий, который, по меткому замечанию современника, «так любил сей вид спорта, что любого понравившегося ему вмиг окрестит боксёром, а после и сам верит в это».

Здесь нет наименований офицерского состава России XIX века и вообще любых других наименований, связанных с военной тематикой, поэтому мы не можем категорично утверждать, что лирический герой в данном стихотворении идентифицирует себя как офицер XIX века. Однако поэтом и боксёром он себя осознаёт. Зато лирический герой идентифицирует себя как офицер в стихотворении «Другу-стихотворцу» (1997) [Рыжий 2006: 50-51]:

...ну не поэзия ли? Я прикажу принять
тебя, мой Александр, по всем законам барства.
...Вернёмся за полночь и сядем вспоминать
шалуную молодость, совместное гусарство.

Или в стихотворении «У современного героя...» (1999) [Рыжий 2006: 232-233]:

Вот: бравый маленький поручик,
на тройке ухарской лечу.
Ты, зябка кутаясь в тулупчик,
прижалась к моему плечу.

Или в стихотворении «Офицеру лейб-гвардии Преображенского полка г-ну Дозморову, который вот уже десять лет скептически относится к слабостям, свойственным русскому человеку вообще» (1997) [Рыжий 2012: 267]:

Ни в пьянстве, ни в любви гусар не знает меру,
а ты совсем не пьёшь, что свыше всяких мер.
...Уже с утра явлюсь к Петрову на квартиру —
он тоже, как и ты, гвардейский офицер.

Таким образом, «Игровой цикл в дворян XIX века» интересен с точки зрения саморефлексии лирического героя, поскольку в нём он идентифицирует себя, в первую очередь, как поэт, и во вторую, — как дворянин XIX века (военный или нет). Значит, даже в шуточных стихах поэтическое начало в душе лирического героя доминирует.

Итак, в творчестве Б. Б. Рыжего существует ряд стихотворений, которые логически предполагают объединение в три значимых цикла — мы предприняли попытку такого объединения: «Уральский цикл», «Стихи Ирине Князевой» и «Игровой цикл в дворян XIX века». Исследование каждого цикла позволяет выявить отношение лирического героя к различным реалиям действительности, что очень важно при изучении саморефлексии в поэзии Б.Б. Рыжего.

Литература

1. Борис Рыжий, Лариса Миллер. Переписка // Урал. 2003. № 6. С. 140-152.
2. Доманский Ю.В. Циклизация в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 2000.

3. Казарин Ю.В. Поэт Борис Рыжий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 310 с.
4. Рыжий Б.Б. В кварталах дальних и печальных: Избранная лирика. Роттердамский дневник. М.: Искусство—XXI век, 2012. 576 с.
5. Рыжий Б.Б. Приснится воздух. Публикация Ирины Князевой и Бориса Петровича Рыжего // Знамя. 2005. № 1. С. 135-156.
6. Рыжий Б.Б. Типа песня. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 352 с.

И. М. Куликова, г. Сургут

ОСМЫСЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЕ

В последнее десятилетие в современном литературном процессе наблюдается укрепление позиции региональных и этнонациональных литератур, основополагающей тенденцией которых становится стремление к отражению ментальных основ этноса, его прошлого и настоящего. В связи с этим важную роль в такой литературе играет проблема осмысления христианских ценностей и их связь с основами традиционной культуры. Начало «христианизации» азиатской литературы положил в 80-х гг. XX века Ч. Айтматов своим романом «Плаха» и замыслом книги «Богоматерь в снегах» (опубликован отрывок). Тема эта активно продолжена в произведениях современных региональных писателей.

Тема вхождения «малых» этносов в состав российской государственности и возникающий в связи с этим конфликт центра и национальных окраин оказались в центре внимания в романах крупного хантыйского прозаика Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» и ставшего популярным в последние годы пермского писателя А. Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь — княгиня гор». Это столкновение центра и окраин напрямую связано с конфликтом «двух вер», двух разных мировоззрений. И если А. Иванов отстаивает как данность равновеликость разных правд в нравственно-философском споре о смысле и цели российской экспансии, а Е. Айпин сосредоточен больше на негативных явлениях и последствиях советской политики, то в вопросе возможности и даже естественности соединения двух религиозных систем они единомышленники.

В противостоянии «прежнего» и «нового» авторы на стороне изначального, корневого как более глубокого и человеческого. Языческая Парма для пермского князька Михаила, главного героя романа, — родная земля, которую Москва принуждает его завоевать и «охристианить» ценой ссоры с соседями-вогулами. Михаил близок по взглядам Верховному шаману вогулов, готового смириться с вторжением в пармский мир христианского бога, потому что есть нечто большее, «изначальный порядок вещей», который вбирает в себя все верования. На этом фоне кошунственным выглядит желание христианского епископа Ионы истребить этот самый «изначальный порядок», который воплощен для него в священной для вогулов Прокудливой березе, под которой соединились судьбы русича Михаила и вогулки Тиче. С позицией епископа смыкается позиция вогульского вождя Асыки, который считает, что «можно мириться с набегами врагов, но нельзя мириться с их богами». В конце Михаил все же советует мансийским вождям принять православие, поскольку понимает, что бессмысленно воевать против жестокой государственной силы, связанной с мощной религиозной системой.

Идея взаимопроницаемости мира решается автором на образе языческой Золотой Бабы, из-за которой в романе разворачиваются жестокие конфликты. (Заметим, что образ Золотой Богини